

В 5-м номере “Нашего современника” за 2022 год была опубликована статья Нины Ягодинцевой “Существуют ли критерии оценки художественного произведения”. Статья вызвала горячие отклики — несколько писем пришло на адрес журнала. Одна из реплик, принадлежащая поэту и кандидату искусствоведения из Санкт-Петербурга Роману Круглову, оказалась полноценной статьёй, представляющей собственный ответ на вопрос, существуют ли критерии “хорошей” литературы. Этот материал мы и предлагаем сегодня нашим читателям.

Редакция

РОМАН КРУГЛОВ

ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ

I

Пока мы будем избегать говорить об идеологии, русская культура будет оставаться в подполье.

Разговор о том, какую литературу следует считать хорошей и почему, должен быть нацелен на выработку универсальных принципов. Если критерии у каждого свои и любое произведение требует индивидуального подхода, то этот разговор — пустой звук. Хорошая литература — разная, потому для оценки всего многообразия нужны критерии, прежде всего, не абстрактно эстетические, а ценностные. Иерархия ценностей — основа критериев хорошей литературы и основа идеологии. Это понятие в наши дни искусственно дискредитировано и нуждается в реабилитации.

Безотносительно истины и смысла жизни литература вообще не нужна. Она часть духовной культуры, то есть системы ценностей человека и общества. Идеология — система взглядов, характеризующая общество. Согласно “Философскому энциклопедическому словарю” (1983), идеология осознаёт и оценивает отношение людей к действительности и друг к другу, содержит цели (программы) сохранения или изменения общественных отношений. Фактически литература (даже пейзажная лирика или лёгкая комедия) выражает идеологию.

“Новейший философский словарь” (2020) утверждает, что идеология “ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путём воздействия на их сознание”. Даже если принять эту формулировку с её явно негативными коннотациями, придётся признать, что и книга, раз её читают, влияет на умы, транслирует отношение человека к миру, к себе и к другим. Продолжая тон “новейших философов”, можно сказать, что хорошая книга влияет с практическим интересом — сделать человека глубже, правдивее, смелее, умнее ради него, других людей и мира. Если литература далека от подобной “манипуляции”, то это развлекательное чтиво, не более. Литература (как и другие области духовной культуры) с древнейших времён существовала не сама по себе, а в неразрывной

связи с самосознанием общества. Как писал С. Л. Франк, “сама философия истории и социальная философия представляют собой нечто большее, чем это кажется на первый взгляд. Эта область русской мысли представляет собой нечто вроде чаши, в которую вливаются все русские философские идеи”. И литература тоже, и не только в России.

Некоторые полагают, что вопрос о критериях литературы – праздный, поскольку читатель всё равно выбирает по своему вкусу, а профессионалы и так умеют отличить хорошие книги от плохих; нужно организовать литературный процесс, и всё наладится само собой. Такой взгляд сродни вере в технический прогресс, объективно ведущий к счастью человечества (для XXI века несколько наивно). Вера в самоорганизацию литературы, в сущности, изгоняет из неё человека как субъекта творческой воли – будто история литературы развивается сама, движимая неким таинственным законом. Данный подход порождает, по выражению Ю. Хабермаса, “хорошо обусловленную неприязнительность”. Зачем знать законы термодинамики тому, кто хочет водить автомобиль, а писателю постоянно задумываться о сущности художественного образа? Это отказ литераторов от ответственности, он на руку идеологии толерантности и потребления. В результате в одном ряду оказываются Достоевский и Довлатов, Шекспир и Керуак; профессионализм уже не в счёт – в этой парадигме голос профессионала принципиально равен голосу дилетанта. Здравый смысл априори мыслится как диктат, мешающий “естественному развитию” (в действительности оно не естественное). Писатель, отказываясь быть творцом идеологии, вынужден вписываться в чужую, ошибочно полагая, что раз её нет официально, то её и вправду нет.

Оставим в покое тех, кому мешает думать о больших вещах фантомный страх тоталитаризма. Защищая “свободу”, они просто хотят, чтобы всё было хорошо. Как и сторонники самодостаточного искусства, они примут любую стратегию, не противоречащую их сугубо тактическим, в сущности, задачам. Именно такую идеологию мы и должны выработать, если цель – принципы, общие для большинства.

II

Искусство – не товар и не прокламация, оно имеет собственную сущность, описать которую можно в ценностных категориях. При ином подходе гуманитарный специалист всегда сможет обосновать достоинства выеденного яйца.

Боясь больших систем, современная мысль почти полностью избегает говорить о смысле человеческой истории (как будто без этого литература или наука имеют хоть какой-то смысл). При отрицании общего смысла всё неопределённое, случайное в жизни утрачивает значение тайны, рока, становясь проявлением принципиальной вариативности мира. Довлеющая над ним неопределённость вообще отменяет субъекта в истории. Жизнь человека без смысла не обоснована (как следствие, ненадёжна, уязвима), напрасна и, зачастую, мучительна. Значит, лучше бы её не было. Вопрос о том, быть или не быть общему смыслу, – это вопрос о том, быть или не быть человеку. Литература показывает, к чему ведёт отсутствие общего смысла (вспомним Печорина, Свидригайлова, “Смерть Ивана Ильича”). Нести в слове общий смысл жизни человека и мировой истории – изначальная сущность литературы (Библия написана стихами). Хорошая литература заставляет душу стареть и расти, готовит человека к жизни и смерти.

Необходимое свойство хорошей литературы – наличие вертикальной ценностной шкалы, в которой есть верх и низ, изначальное знание обеих сущностей и приоритет верха над низом. Эту ценностную систему можно представить через ряд противоположностей: верх – низ, добро – зло, правда – ложь, красота – уродство. Подвергая сомнению или даже переворачивая ценностную шкалу, настоящий писатель взаимодействует с ней (то есть признаёт её) или имеет её в виду как изначальную истину (таковы Бодлер, Мариенгоф, Георгий Иванов). Если в хорошем произведении переосмысляются добро и зло, то их значение выясняется при помощи других координат вертикальной оси – правды и лжи, красоты и уродства. Аналогично при переоценке красоты верный путь указывают добро и правда, при определении правды – добро и красота. Если же литература затрачивает все свои ресурсы на отрицание ценностной шкалы, то она превращается в мрачную провокацию. Таковы некоторые

постмодернисты, играющие с целевой аудиторией по принципу “чем хуже, тем лучше”, или де Сад, творчество которого интересно не как художественная литература, а как раскрытие сущности некоторых идей Просвещения.

Приоритет верха над низом — это не утверждение победы света над тьмой, а само признание света светом, а тьмы тьмой. Уже в этом заключена победа света. Он остаётся собой и во тьме, как показывают художественные исследования нижней бездны (“Записки из подполья”, “Господа Головлёвы”, “Обмен”). В хорошей литературе есть свет — именно его наличие делает произведение рельефным, контрастным, живым, то есть правдивым.

Художественная правда — это сконцентрированный в художественном образе опыт. Чтобы читатель мог прожить опыт, он должен быть прожит автором. Чаще всего это актёрское проживание (чтобы написать смерти Андрея Болконского и Николая Левина, Толстой не умирал буквально). Художественная правда проживается благодаря выразительности и глубине художественного образа. Глубина — это смысло-образный потенциал, подводная часть айсберга. Выразительность — присутствующий в образе код, необходимый для чтения глубины. Реалистическая проза лучше фэнтези только тем, что мир с целиком вымышленными законами обычно менее глубоко и полно проживается, чем мир, похожий на наш. При этом внешняя репрезентативность ещё не даёт выразительности и глубины, создающих художественную правду (“Властелин колец” правдивее, чем “Матрёнин двор”). Сюжетная литература может отказываться от реалистической иллюзии жизни в пользу лирической правды (сказки Андерсена и Сергея Козлова, драматургия Метерлинка). В лирике события разворачиваются в душе, а не во времени и пространстве, при этом правда также определяется единством выразительности и глубины. По отдельности они не являлись бы сами собой. Глубина без выразительности — вещь в себе. Выразительность без глубины — громкие слова и размашистые жесты.

Проживание сжатого в образе опыта — это и есть эстетический эффект литературы. Без правды возможна только красота (когда есть имитация проживания). На уровне эстетики красота и правда — одно и то же. На уровне поэтики единство выразительности и глубины — это индивидуальная гармония всех элементов произведения, их соответствие художественной задаче и друг другу (принцип един для сонета и верлибра, романа и монопьесы). Такое соответствие достигается трудом ума и души, направленным на создание формы под содержание. Настоящее искусство — трудное искусство. В этом труде проявляется индивидуальность писателя.

Новизна и оригинальность произведения — дурные псевдонимы подлинности. Настоящее искусство — живое, а значит, всегда бывшее, не выдуманное, не новое, как всё настоящее — как рождение, любовь и смерть. Была бы истина, а сколько раз она звучала — неважно. Того, кто проживает художественный опыт, это не может на самом деле интересовать (как для рождающегося не важно, что до него уже рождались). Вторичность произведения — это псевдоним его лживости, фальши, схематичности (когда вместо образа — сувенир). Хорошая литература традиционна — она оригинальна (правдива), а потому достойна традиции. Как верно сказал Г. Малер, традиция — перенесение огня, а не поклонение пеплу.

Без вертикали нет хорошей и плохой и литературы. Наличие верха и низа, света и тьмы, правды и лжи позволяет говорить о глубине, выразительности, индивидуальности произведения.

III

Хорошая литература несёт идеологию вертикального человека и мира.

Вертикаль — вектор прогресса. Не технического и социально-позитивистского, в котором цивилизация разуверилась в XX веке, а духовного. Недопустимо рассматривать жизнь предшествующих поколений как просто подготовку к грядущему расцвету (материал литературы и истории вообще не даёт оснований для этого). Идея прогресса без умаления прошлых эпох осмыслена в трудах русских философов. Подлинный прогресс направлен не на конкретный образ будущего, сконструированный на основе той или иной теории, а на постижение смысла человека и мира.

Что делать с настоящим искусством, которое не вписывается в идеологию? Вертикальная идеология достаточно широка, чтобы вместить его. В неё

вписываются люциферианские искания Байрона, но не вписываются некрофильские построения Сорокина (которые могут быть предметом для изучения сопредельных с литературой явлений – врага надо знать в лицо).

Как быть с идеологически правильными, но мёртвыми произведениями? Опыт говорит о том, что идеология должна быть живой. Омертвление советской идеологии (сохранение форм при кризисе веры) породило в конце XX века “бездарных охранителей” и “талантливых разрушителей” (контркультуру), а последовавший запрет на идеологию (при фактическом торжестве идеологии потребления) загнал литературу в подполье. Живая идеология с приоритетом духовных ценностей над материальными необходима. В сущности, хорошая литература всегда несла её.

Личный и общий путь по вертикали должен стать основой идеологии, объединяющей Россию как христианскую страну-цивилизацию и как альтернативную Европу, сохранившую и обогатившую лучшие её традиции.